

Смирнова Елена Александровна, Юсупова Занда

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ БИЛИНГВОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Э. БЁРДЖЕССА "ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН")

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 156-160. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. **Бондаренко В. Н.** Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.
2. **Почепцов Г. Г.** Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Вища школа, 1987. 130 с.
3. **Почепцов О. Г.** Семантика и прагматика вопросительного предложения (на мат. англ. языка): автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Киев, 1979. 173 с.
4. **Почепцов О. Г.** Основы прагматического описания предложения. Киев, 1986. 115 с.
5. **Серль Дж.** Классификация речевых актов // Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
6. **Серль Дж.** Косвенные речевые акты // Там же. С. 195-222.
7. **Серль Дж.** Что такое речевой акт? // Там же. С. 151-169.
8. **Солганик Г. Я.** Синтаксическая стилистика. М.: Высшая школа, 1973. 213 с.
9. **Veikhman G. A.** New look at English syntax. M.: Moscow, 1989. 221 p.
10. **Dijk T. A. van.** Text and context: explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London- N.Y.: Longman, 1976 (1977). 261 p.

Список источников художественной литературы

- Arjouni J.** Mehr Bier [Электронный ресурс]. URL: www.franklang.ru
- Böll H.** Die verlorene Ehre der Katharina Blum. Hamburg: GGP Media, 2001.
- Böll H.** Wo warst du, Adam? [Электронный ресурс]. URL: www.franklang.ru
- Christie A.** Death on the Nile. М.: Менеджер, 2004.
- Christie A.** Why didn't they ask Evans? М.: Manager, 2002.
- Crichton M.** Airframe. Arrow Books, 1997.
- Ende M.** Der Spiegel im Spiegel [Электронный ресурс]. URL: <http://artefact.lib.ru>
- Fitzgerald F. S.** The great Gatsby. Киев: Dnipro Publishers, 1973.
- Galsworthy J.** The man of property. М.: Прогресс, 1974.
- Hemingway E.** To have or have not. М.: Международные отношения, 1979.
- Keller G.** Romeo und Julia auf dem Dorfe [Электронный ресурс]. URL: <http://artefact.lib.ru>
- Maugham W. S.** Rain and other short stories. М.: Progress Publishers, 1977.
- Ondaatje M.** The English patient. М.: Международные отношения, 1998.
- Remarque E. M.** Die Nacht von Lissabon [Электронный ресурс]. URL: <http://artefact.lib.ru>
- Remarque E. M.** Im Westen nichts Neues. Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1971.
- Schiller F.** Wilhelm Tell [Электронный ресурс]. URL: www.franklang.ru

УДК 81'23

Елена Александровна Смирнова, Занда Юсупова

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

**ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ БИЛИНГВОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»)©**

Лингвистика, как любая другая наука, не стоит на месте, а находится в состоянии постоянного развития. Развитие, в свою очередь, обуславливается веяниями современного мира, то есть, развиваясь, лингвистика отвечает на потребности времени, обслуживает его. Одним из таких «ответов» является возникновение смежных более узконаправленных наук. Так, в середине XX века на стыке лингвистики и психологии возникла новая научная дисциплина - психолингвистика. К началу XXI века перед учеными-лингвистами, представителями данного направления, накопилось немало нерешенных проблем относительно тех или иных вопросов, в число которых входила также проблема языкового сознания и принципы его функционирования среди билингвов. Таким образом, *цель* исследования - лингвистическая реализация особенностей языкового сознания билингвов в контексте художественного дискурса.

Понятие языковое сознание, зародившееся в московской психолингвистической школе в конце XX века, по мнению Т. Н. Ушаковой, является сегодня модным, широко распространенным явлением. Это свидетельствует о его продуктивности в психолингвистических исследованиях. Данное понятие представляется для нее интересным: во-первых, потому, что «оно укореняет связь лингвистического явления (языка) с психологическим феноменом (сознанием). Это важно на фоне попыток разделения и установления искусственных границ между психологическими процессами, семантикой с одной стороны, и языковыми средствами выражения мысли человека, с другой, т.е. в более общем плане - между психологией и лингвистикой. Одновременно оно выхватывает как бы центральное звено всей психолингвистики, обнаруживает ее средоточие. Во-вторых, понятие языкового сознания важно для уточнения психологического определения самого сознания, поскольку выделяется близкая, но особая область, обладающая своими чертами и спецификой» [3].

Вслед за основными представителями московской психолингвистической школы, А. А. Леонтьевым и Е. Ф. Тарасовым, в данной работе под языковым сознанием понимается совокупность психических механизмов порождения, уяснения речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека.

Однако принципы функционирования психических механизмов находятся в прямой зависимости от таких факторов, как среда и культура проживания человека, его уровень образования, профессиональная деятельность, мировоззрение, количество языков, которыми он владеет и так далее.

Так, в результате экономического и политического развития мира наблюдается стремление к овладению несколькими языками, преимущественно иностранными. Именно поэтому вопрос об особенностях функционирования языкового сознания среди билингвов является наиболее актуальным для изучения на сегодняшний день.

Билингвизм - это свободное владение человеком или коллективом двумя языками одновременно, т.е. способность попеременно использовать два языка в зависимости от того, где и с кем происходит общение. Людей, владеющих двумя языками, называют билингвами. Известно, что на сегодняшний день более 70% населения земного шара являются билингвами. Однако среди билингвов также наблюдаются различия. Так, существует несколько классификаций билингвизма. Принято выделять ранний и поздний билингвизм; рецептивный (воспринимающий), репродуктивный (воспроизводящий) и продуктивный (производящий) билингвизм, а также искусственный и естественный билингвизм.

Искусственный билингвизм - это овладение иностранным языком в «кабинетных» условиях, т.е. в отрыве от культуры изучаемого языка. Классическим примером данной классификации билингвизма является изучение английского языка в России.

Естественный билингвизм отличается от искусственного языковой средой освоения второго языка. Он происходит в непосредственном контакте с носителями иностранного языка. Как результат, он носит более стихийный неуправляемый характер, в отличие от искусственного билингвизма, при котором процесс усвоения языка управляется посредником - преподавателем иностранного языка, также являющимся билингвом. Естественный билингв начинает постижение иноязычной культуры с бытового уровня, в отличие от искусственных билингвов, начинающих свое знакомство с ней с духовных ценностей - культурных достижений, образцов литературных произведений и т.д.

В качестве различий между искусственным и естественным билингвизмом А. Е. Карлинский также приводит разницу в целях: при естественном билингвизме изучение иностранного языка является не самоцелью, а средством достижения цели - обмена информацией, для искусственного билингва изучение иностранного языка является ближайшей целью, имея в дальнейшем перспективу использовать иностранный язык в профессиональных или личных целях [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что языковое сознание естественных билингвов заметно отличается от языкового сознания изучающих язык в чуждой для языка культурной среде, то есть искусственных билингвов. Языковое сознание естественных билингвов значительно отличается от языкового сознания искусственных билингвов. Причиной тому является среда их употребления: естественные билингвы, в отличие от искусственных, находятся непосредственно в среде практического использования двух языков. Как следствие, они не испытывают затруднений при переходе с одного языка на другой. У естественных билингвов создается своеобразная форма языка, при которой каждая идея имеет два способа выражения, так что получается в сущности единый язык, но с двумя формами.

У естественных билингвов наблюдается полное или частичное смешение двух языков (родного и неродного), проявляющееся на различных уровнях. В данном случае смешение в широком смысле понимается как процесс взаимодействия языков, а в узком - результаты этого взаимодействия - конкретные единицы - заимствования. Они могут быть лексическими, фонетическими, семантическими или словообразовательными. При этом наибольшим изменениям подвергается лексика родного языка.

Смешение языков может быть обусловлено эмоционально-психологическим состоянием коммуникантов или отсутствием в одном из языков слова для выражения реалии. Результатом чего становится употребление в речи или на письме отдельных иностранных слов, соответствующих контексту. Зачастую использование билингвом двух языков является намеренным с целью достижения определенных целей, например иронических.

Смешение языков, как и любое другое нарушение норм и правил, является одним из лучших средств привлечения к себе внимания. Именно поэтому естественный билингвизм широко распространен в молодежных кругах, где смешение родного и неродного языков выступает как средство выделения из толпы.

Наиболее ярким примером использования двух языков с подобной целью выступает роман Энтони Берджесса «Заводной апельсин».

Энтони Берджесс - английский писатель, полиглот, владевший в том числе и русским языком. В начале 60-х годов XX столетия Э. Берджесс обосновывается в Советском Союзе на продолжительный период времени, большую часть которого проводит в Ленинграде. Именно город на Неве с характерными для того времени революционными настроениями молодежи становится родиной «Заводного апельсина». Время и место создания романа объясняют его отличие от произведений подобного рода: широкое использование русского сленга, который впоследствии будет назван искусственным языком надсат, в английском языке.

Русские слова автор записывает латиницей, никак не выделяя их среди английских, и смысла их читателю не поясняет. «Когда вы англизируете русские слова, - поясняет Энтони Бёрджесс, - это звучит странно и придает речи персонажей иронический эффект». Естественным билингом автора позволяет считать тот факт, что при написании романа он находился непосредственно в русской культурной среде.

Сразу же после начала прочтения романа «Заводной апельсин» в глаза бросается наличие в нем большого количества лексических заимствований из русского языка: *korova, moloko, mozg, veshches, tolchock, pitsa, kartoffel, mesto, chai, malchick, devotchka* и т.д. Латиница необходима для того, чтобы слова как можно резче отличались от тех же слов, встречающихся в обычной, не жаргонной речи. Именно они послужат предметом анализа, который будет проходить на следующих уровнях: фонетический, морфологический, уровень словообразования и семантики лексических заимствований.

1. Фонетический уровень. Большинство русских лексических заимствований, использованных в произведении, на письме передаются с помощью приемов транскрипции и транслитерации: *mesto, maskies, razrez, Biblio, nochy, nozh, britva, banda, grupa, knopka*. Одновременно с этим автор выделяет большинство данных лексических единиц из общего текста, используя в них удвоенные гласные или согласные звуки: *zoobies - зубы, skorru - скорый, goloss - голос, baboochkas - бабушки, chellovek - человек, droog - друг, gazetta - газета*. Причины подобного авторского выбора с точки зрения лингвистики объяснить сложно. Скорее, они связаны с замыслом писателя оказать еще большее влияние на читателя при помощи отклонений от норм, особенно заметных визуально, а также с целью особо подчеркнуть отличие молодежного жаргона надсад от строго нормированного литературного языка.

Отклонением от правил транскрипции и транслитерации в романе является также способ передачи автором русских звуков [y] и [и]. Вместо предусмотренных правилами букв u и i в словах «шумный» и «кричать» Э. Бёрджесс использует oo и ee: *shoomny, creeching*. Подобная тенденция сохраняется в большом количестве преобразований, например: *gloopy - глупый, pooshka - пушка, rassoodack - рассудок, jeezn - жизнь* и т.д., и представляет собой результат смешения двух языков, речь о котором шла ранее.

Следующие способы передачи русских лексических заимствований в английском языке также отклоняются от принятых норм транскрипции и транслитерации: *moodge* (муж) вместо *muzh*, *otchies* (очки) вместо *ochki*, *yahma* (яма) вместо *yama*, *sabog* (сапог) вместо *sapog*, *yahzik* (язык) вместо *yazik*, *kleb* (хлеб) вместо *khleb*, *spatchka* (спячка) вместо *spyachka*, *jeezn* (жизнь) вместо *zhizn*.

Использование автором окончания множественного числа *-ies* вместо *-es* является характерной чертой данного произведения. Данное стремление писателя можно объяснить попытками использовать элементы обоих языков. Так, например в слове *lewdies* сохранено окончание множественного числа слова «люди», одновременно с чем использовано окончание множественного числа в английском языке *-s*.

2. Морфологический уровень. По строению слов и их изменениям по грамматическим категориям можно утверждать о полном сохранении законов морфологии английского языка. Это отчетливо видно из примеров:

Gullivers - множественное число слова «Гулливер», образовано путем прибавления окончания *-s* к форме единственного числа;

malchicks' names - притяжательный падеж существительного во множественном числе «мальчики» обозначен знаком апострофа;

he viddied - прошедшая форма глагола «видеть» образована путем прибавления к основе слова окончания прошедшего времени *-ed*. Присутствие в написании также буквы *i* является результатом смешения русского и английского языков;

the programme was being viddied by everybody [4] - наблюдается полное сохранение формы пассивной конструкции прошедшего длительного времени *was being viddied*;

But old Dim, as soon as he'd slooshied [...], let off one of his vulgarities [Ibidem] - точно соблюдаются правила согласования времен в английском языке;

Something they'd all been govoreeting [Ibidem] - время Past Perfect Continuous, зачастую избегаемое в речи, как устной, так и письменной, образуется и используется согласно правилам, действующим в английском языке;

And, slooshing with different bliss than before, I viddied again this name on the paper [Ibidem] - наблюдается сохранение формы причастного оборота, характерного для английского языка, одновременно с использованием лексического заимствования из русского языка «slooshing»;

The point was whether to leave the auto to be sobiratted by the rozzes or, [...] [Ibidem] - заметно сохранение формы Complex Subject, отсутствующего в русском языке, с использованием лексического заимствования из русского языка: «the auto to be sobiratted».

Приведенные примеры доказывают тот факт, что морфология любого языка практически не подвержена иноязычному влиянию. В случаях же, когда меняется морфологическая система, речь идет о фактическом переходе на другой язык: одну систему можно целиком заменить другой системой, но нельзя смешать две системы и получить нечто среднее.

3. Наиболее ярким показателем смешения двух языков является словообразовательный уровень. Здесь Э. Бёрджесс использует такие виды словообразования, как аффиксация и конверсия.

Аффиксация автора заметно отличается от привычных для читателя случаев использования аффиксов для образования новых слов. Так, писатель к основе русского слова прибавляет окончание английского язы-

ка: *dom + (e) + less* = бездомный, *crast + ing* = кража, *goob + er* = губа.

В результате подобной аффиксации возникают неологизмы.

Конверсия представлена в романе таким же не стандартным способом:

It was real satisfaction to me *to waltz*. Здесь *to waltz* можно рассматривать и как конверсию, т.е. переход из русского существительного «вальс» в английский глагол «*to waltz*», и как использование автором основы русского глагола «вальсировать» в английском языке. Последний способ словообразования также характерен и для следующих случаев:

He started *to creech*. - Он начал *кричать*;

I could *slooshy*. - Я мог *слышать*.

На сегодняшний день в лингвистике не существует теоретического обоснования данного способа словообразования, поэтому здесь можно говорить об окказиональных способах словообразования.

4. На уровне семантики ярко выражено появление неологизмов, по большей части основанных на окказиональном словообразовании: *crasting*, *peeting*, *veck*, *rooker*, *goober*, *domeless*, *smotting*, *creeching*, *dratsing*. Большинство из них образуется путем присоединения к основе русского слова словообразовательного окончания английского языка: *crast* (красть) + *ing* = *crasting*, *peat* (пить) + *ing* = *peeting*, *rook* (рука) + *er* = *rooker*, *goob* (губа) + *er* = *goober*, *dom* (дом) + *e + less* = *domeless*, *smot* (смотреть) + *t + ing* = *smotting*, *creech* (кричать) + *ing* = *creeching*, *drats* (драться) + *ing* = *dratsing*.

Необходимо отметить, что при прочтении значение авторских неологизмов достаточно просты для понимания в независимости от того, естественным или искусственным является билингв, т.к. в данном случае достаточно наличие минимальных теоретических знаний в области словообразования английского языка. У автора же, естественного билингва, при использовании элементов иностранного языка наблюдается тенденция к сохранению принципов словообразования, характерных для языка родного.

Однако в произведении присутствуют и исключения. Так неологизм *veck*, несмотря на явную схожесть с русским существительным «век», в романе имеет значение «человек», т.е. образован путем сокращения слова «*cheloveck*». Аналогичная ситуация наблюдается в слове *cheena*. Однако единственным отличием от предыдущего примера является отсутствие каких-либо догадок относительно значения данного слова, который трудно понять без знания слова русского слова «мужчина». Таким образом неологизм *cheena* получен с помощью сокращения автором слова «*muzhchina*» с нарушением правил транскрипции, о котором говорилось ранее.

Подобный «ход» Э. Берджесса можно объяснить экстралингвистическими факторами: склонность советской молодежи середины XX века использовать в устной речи укороченные формы слов, понятные исключительно в «своих» кругах.

Смешение английского и русского языков на уровне семантики можно также проследить на примере словосочетания *a little bit* (немного), вместо которого в романе используется *a malenky bit*. Значение выражения при этом полностью сохраняется:

He looked *a malenky bit* roogly [Ibidem]. - Он выглядел *немного* испуганным.

In the trousers of this starty *veck* there was only *a malenky bit* of money [Ibidem]. - В брюках старика было *немного* денег.

Автор намеренно использовал тождественную по значению лексическую единицу «*malenky*», заменяя ею английское «*little*», преследуя цель наилучшим образом показать процесс проникновения одного языка в другой.

Подводя итог, необходимо выделить лингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов:

1. Тенденция к сохранению и одновременному использованию элементов родного и неродного языка.
2. Отклонение от общепринятых фонетических норм произнесения лексических заимствований из неродного языка в сторону фонетических норм родного языка: изменение ударения в слове и появление в слове новых, характерных для родного языка звуков. Нарушение правил использования приемов транскрипции и транслитерации на письме.
3. Полное соблюдение морфологических норм родного языка.
4. Сохранение традиционных для родного языка приемов словообразования, а также использование окказиональных способов словообразования, т.е. смешение правил словообразования, характерных как для родного, так и для неродного языка.
5. Внедрение в родной язык большого количества неологизмов, основанных на окказиональных способах словообразования, с использованием лексических заимствований из неродного языка: присоединение к основе слова из неродного языка словообразовательного окончания родного языка или сокращение, т.е. использование какой-либо одной части лексической единицы, заимствованной из неродного языка.

При этом из примеров видно, что большинство случаев отклонений от общепринятых норм и использования различного рода окказионализмов проявляется в устной (диалогической) речи. Из этого следует, что лингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов наилучшим образом проявляются именно в процессе неформального общения между людьми, владеющими двумя языками.

Список литературы

1. Бёрджесс Э. Заводной апельсин. М., 2003. 256 с.
2. Карлинский А. Е. К вопросу искусственного билингвизма. Волгоград, 2003. 12 с.
3. Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования. М., 2003. 7 с.
4. Burgess A. A clockwork orange. London, 2004. 240 p.

УДК 82-31

Елена Николаевна Сороченко
Ставропольский государственный университет

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»[©]

Концепт «любовь» входит в число базовых концептов культуры. Следует отметить пристальный интерес исследователей к данному феномену (работы Е. Ю. Балашовой, О. Н. Буяновой, С. Г. Воркачева, Т. Н. Даньковой и др.). Анализ концепта осуществляется с позиций психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Как отмечает, Т. Г. Ренц, «в результате исследований, проведенных отечественными и зарубежными авторами, было получено новое знание о феномене любви, суть которого заключается в том, что любовь, представляя собой универсальную человеческую ценность и занимая место среди лингвокультурных концептов, имеет собственное языковое выражение, специфичное для различных этнокультур при наличии некоторой базовой признаковой общности» [7, с. 238].

На наш взгляд, представляется плодотворным изучение языкового воплощения концепта «любовь» в художественном тексте. Материалом для анализа послужил текст романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», так как концепт «любовь» является ключевым в концептосфере писателя. О значимости любви для Гончарова писали многие исследователи. Так, В. А. Недзвецкий называет И. А. Гончарова «даровитейшим и вдохновенным исследователем и певцом любви» [4, с. 46], отмечая, «особую трактовку этого чувства» писателем. Пospelов Г. Н. указывает, что «любовные истории играют в сюжетах романов Гончарова ведущую роль» [6, с. 388]. В. Г. Белинский в письме Боткину писал: «Вот и в повести Гончарова любовь играет главную роль, да еще такая, какая всего менее может интересовать меня: а читаешь, словно ешь холодный полупудовый сахаристый арбуз в знойный день» [1, с. 486]. Следует также отметить частотность использования имени концепта в тексте.

Для И. А. Гончарова, по мнению многих исследователей, характерна особая трактовка любви, что находит выражение в своеобразии любовных конфликтов, обстоятельственности и скрупулезности любовных историй и сцен. В его романах доминирует описание не чувств, а их физических проявлений. В то же время для стиля Гончарова характерно «включение в авторскую речь или речь его персонажей толкований слов и оценок различных языковых фактов» [5, с. 59].

В художественном тексте концепт «любовь», помимо инвариантной составляющей, зафиксированной в словарях, включает и вариативную часть, отражающую авторское мировидение, содержащую дополнительные смысловые приращения, авторскую рефлексию.

Представление об инвариантной составляющей концепта дают данные словарей. Так, в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» «любовь» имеет следующую дефиницию: 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н. 4. Предмет любви (тот или та, кого кто-н. любит, к кому испытывает влечение, расположение). 5. Пристрастие, вкус к чему-н. 6. Интимные отношения, интимная связь (разг.) (ТСРЯ. 2007. С. 421).

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой слово «любовь» отличается от своих синонимов «влюбленности», «страсти», «привязанности» степенью интенсивности и длительности. Любовь - «чувство сердечной склонности, влечения к лицу другого пола»; влюбленность - «пылкое, бурное влечение к кому-л., обычно менее продолжительное и стойкое, чем любовь»; страсть - «сильная любовь, в которой преобладает чувственное влечение»; увлечение - «чувство более поверхностное, чем любовь, легкое, преходящее» (ССРЯ. 2003. С. 522). Таким образом, следует учитывать множественность смыслов, формирующих концепт «любовь».

Проанализировав текстовый материал, можно выделить две основных разновидности любви, представленных в романе: чувство привязанности (материнская любовь, любовь к матери, к дяде) и сильное сердечное чувство.